

DOI 10.15826/qr.2020.1.448

УДК 821.161.1-3Тургенев+94(470)"18"+316.7

**НОВЫЕ ЛЮДИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(НОВЬ ИВАНА ТУРГЕНЕВА)***

Ольга Жукова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**NEW PEOPLE IN RUSSIAN HISTORY
(IVAN TURGENEV'S VIRGIN SOIL)****

Olga Zhukova

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This paper discusses a controversial statement of some Russian critics about the “failure” of Turgenev’s *Virgin Soil* and its interpretation in Russian intellectual and political history. These views are revised with reference to Turgenev’s philosophical ideas on the Russian Enlightenment project, Russia’s historical development, its national culture and spiritual ideals. The author considers the national tradition of reading *Virgin Soil* and determines the intellectual context which impeded the understanding of Turgenev’s historical position, concluding that the views on the novel were mostly ideological. The article examines the problem of “new people” in *Virgin Soil*. According to the author’s opinion, Turgenev, inspired by the philosophical ideas of the Russian Enlightenment, created an original concept of the historical dynamics of Russia. He shows both the social utopianism and real political alternatives in Russian history. The writer gives a critical assessment of the moral philosophy of the “new people”, whose emergence is welcomed by the revolutionary democrat Chernyshevsky. Turgenev

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

** Citation: Zhukova, O. (2020). *New People in Russian History (Ivan Turgenev’s Virgin Soil)*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 71–84. DOI 10.15826/qr.2020.1.448.

Цитирование: Zhukova O. *New People in Russian History (Ivan Turgenev’s Virgin Soil)* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 71–84. DOI 10.15826/qr.2020.1.448 / Жукова О. *Новые люди в российской истории (Новь Ивана Тургенева)* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 71–84. DOI 10.15826/qr.2020.1.448.

reveals the inner contradictions in Russian society and predicts a revolutionary catastrophe in Russia.

Keywords: Ivan Turgenev; *Virgin Soil*; “new people”; revolutionary populism; Russian Enlightenment project; sociology of culture.

Рассматриваются спорный тезис русской критики о неудаче романа «Новь», а также его интерпретации в русской интеллектуальной и политической истории. Данные взгляды подвергаются ревизии с позиции философских идей Тургенева о проекте русского Просвещения, об историческом развитии России, о национальной культуре и ее духовных идеалах. Изучая российскую традицию прочтения романа «Новь» и определяя интеллектуальный контекст, препятствующий осмыслению исторической позиции Тургенева, автор делает вывод об идеологическом характере трактовок романа. В работе анализируется проблема «новых людей» в романе «Новь». По мнению автора, вдохновленный идеями русского Просвещения, Тургенев создает оригинальную концепцию исторической динамики России. Он показывает как социальный утопизм, так и реальные политические альтернативы в российской истории. Писатель дает критическую оценку моральной философии «новых людей», появление которых приветствует революционный демократ Чернышевский. Тургенев выявляет внутренние противоречия в русском обществе и предсказывает революционную катастрофу в России.

Ключевые слова: Иван Тургенев; роман «Новь»; «новые люди»; революционное народничество; русское Просвещение; социология культуры.

Философско-историческая оптика Тургенева в свете дискуссии о романе «Новь»

Двухсотлетний юбилей И. С. Тургенева (1818–1883) дает повод вновь обратиться к наследию великого русского романиста, оживить дискуссию о литературно-эстетических и политических взглядах писателя, выраженных в его ключевых произведениях. В рамках этой задачи проблематизация идейно-философской позиции Тургенева в его последнем романе «Новь»¹ оказывается наиболее трудной. История отношений между автором, читателями и критиками последнего романа писателя представляет собой отдельный сюжет, развивающийся в интеллектуальном пространстве русской культуры [Куликов, с. 121–136; Назарова, с. 165–166; Затеева, Ленхобоева, с. 80–86; Финько, с. 215–218].

Отношение к роману современников, среди которых были литературные конкуренты Тургенева и его профессиональные критики, выступавшие с разных идеологических и политических позиций, вы-

¹ Черновая рукопись романа была закончена Тургеневым в июле 1876 г. в Спаском-Лутовиново. Первая журнальная публикация состоялась в «Вестнике Европы» (1877, № 1, с. 5–136; № 2, с. 465–580).

сказанные ими большей частью негативные, нежели сочувственные суждения способствовали устойчивой трактовке «Нови» как творческой неудачи писателя². Как представляется, для современного читателя оптика восприятия романа может быть иной. Учитывая борьбу идеологических дискурсов, развернутую вокруг романа, продемонстрированную участниками полемики явную политическую ангажированность, а иногда и откровенное личное неприятие романиста, мы можем с полным основанием поставить перед собой задачу пересмотра сложившегося консенсуса оценок последнего романа Тургенева. Для этого стоит посмотреть на «Новь» глазами историка и философа культуры, чтобы выявить исходную философскую и художественную стратегию писателя, определившую идеологический и эстетический комплекс романа. Возобновление дискуссии позволит заново оценить значение романа в наследии писателя, его место и роль в русской литературе и политической истории России в рамках как литературоведческих, так и философско-исторических исследований.

В этом контексте специально отметим, что философские и политические воззрения Тургенева, исповедовавшего, по его собственному признанию, либерализм «старого покроя в английском, династическом смысле» [Тургенев, 1879], под воздействием ленинской историософской схемы, толковавшей умеренную оппозиционность писателя сквозь призму революционного движения в России, не были значимым предметом отечественных исследований³. Характерно, что в русской дореволюционной и эмигрантской литературе философским и политическим воззрениям писателя большого внимания также не уделялось⁴. По нашему мнению, трактовка им современных событий русской жизни проистекает непосредственно из его философского видения исторического процесса в духе идей русского европеизма. У истоков этого направления находятся создатели великой русской классики, ее художественной и интеллектуальной традиции – Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский,

² Если сторонники демократического лагеря посчитали, что в романе Тургенев изобразил народников-революционеров – «новых людей» русской пореформенной эпохи [Лавров, 1967, с. 197–207], то почвенник Ф. М. Достоевский, ранее высказавшийся на тему метафизики русской революции в «Бесах», категорически не принял идею романа [Достоевский, с. 380]. Л. Н. Толстой, находясь под воздействием отрицательной оценки Н. Н. Страхова, посчитал роман скучным и даже банальным [Толстой, т. 18, с. 798]. Религиозный философ В. С. Соловьев был убежден, что тургеневский психологизм и реализм в оценке русской действительности уступают метафизическому видению Достоевского, и отказал автору «Нови» в историческом чутье [Соловьев, с. 39]. Показательно, что отношение к «Нови» как к неудаче прославленного романиста было высказано и более поздними интерпретаторами. См.: [Мазон, с. 105].

³ Либеральные идеи Тургенева в подобных интерпретациях, как правило, подвергались критике с революционно-демократических позиций. См.: [Буданова].

⁴ Об отсутствии работ, характеризующих нравственно-философские и социально-политические воззрения Тургенева, писал историк русской мысли В. В. Зеньковский, готовый рассматривать его в одном ряду с такими социальными мыслителями, как Герцен, Михайловский, Кавелин [Зеньковский, с. 288].

Н. В. Станкевич [Жукова, с. 33–40]. Идеалы русского Просвещения с его стремлением к осуществлению синтеза ценностей национальной культуры и европейского модерна с опорой на принципы личности, универсализма и свободы [Лихачев, с. 15] определяют взгляды Тургенева на национальную историю и культуру, что находит непосредственное выражение в замысле «Нови». Для более полного понимания идейно-эстетической позиции Тургенева в этом романе стоит внимательнее отнестись к проявляемой писателем склонности к философской рефлексии, к его рано сформировавшемуся интересу к философии истории. Во многом он был задан профессиональным философским образованием, полученным в Петербургском университете и, что особенно важно, в Берлине, где в годы учения Тургенева безраздельно господствовали последователи Гегеля [Клеман, с. 22, 25]. Аналитический метод, сформированный благодаря ранним философским штудиям, побуждал Тургенева и в дальнейших творческих опытах относиться к истории как к сложному процессу развития общества и личности. Тургенев-художник наблюдал, фиксировал и анализировал многообразные стороны духовного и социального бытия русской нации в развитии идей и идеалов, Тургенев-философ преследовал цель выявить глубинные мотивы нравственных и политических действий как индивидов, так и различных социальных групп. Таким образом, в трактовке Тургенева-писателя роман становится аналитическим способом изучения современной истории – опытом ее художественно-философского постижения.

Уже в раннем критическом сочинении, рецензии о Фаусте (1845), Тургенев формулирует центральный философско-исторический тезис, который создаст основу своеобразной интеллектуальной программы его романного творчества. Он пишет: «Историческое изыскание может иногда с успехом заменить чисто логические рассуждения, потому что ничего не может быть логичнее исторического развития, ясно и добросовестно представленного» [Тургенев, 1978–2014, т. 1, с. 199]. В этом опыте художественно-аналитического постижения истории возможности романа оказались наиболее подходящими, способными дать не только психологически достоверные портреты-образы национальной культуры, но и социологически точные зарисовки-наблюдения, позволяющие вычленить момент зарождения новых духовных и социальных явлений в жизни русского мира [Лотман, с. 120].

Романы Тургенева действительно обладают особой жанровой спецификой, и дело не только в узнаваемой и неповторимой стилистике великого прозаика. С известной долей допущения их можно назвать социально-философскими очерками русской культуры. Они достоверно раскрывают не только типологию характеров и идейно-ценностные профили личностей, создавая широкую картину общественных и индивидуальных умонастроений, но и дают представление о направленности и вероятностном сценарии социокультурных

процессов в России, что наиболее значимо для позиции социолога и философа истории⁵.

Талант Тургенева как наблюдателя и исторического аналитика в горизонте уже свершившейся истории России конца XIX – XX в. кажется очевидным. Вслед за российскими и зарубежными авторами, отмечавшими способность романиста не только описать зарождающиеся явления, но и спрогнозировать возможный результат их развития, я буду настаивать на необходимости уделить особое внимание творческому подходу Тургенева, его философско-исторической установке, обозначая тем самым новую перспективу восприятия наследия писателя. Исходя из данных посылок, я предлагаю посмотреть на «Новь» как на опыт социального анализа важнейшего культурно-психологического феномена русской истории пореформенного периода, связанного с появлением новой генерации социальных агентов русской культуры – *новых людей*.

«Новые люди» или срыв русской истории?

Данный Тургеневым художественный анализ социальной структуры пореформенного общества в России не был по достоинству оценен современниками, как не была воспринята и созданная писателем типология героев, в то время как роман был посвящен *новой теме* – новой по существу. Нова и не исследована была молодежь, все сильнее подпадавшая под обаяние революционных идей и пропаганды радикализма⁶. Новыми были и люди, готовые осваивать и внедрять современные формы хозяйствования, жить в условиях модернизировавшегося правового и социального порядка в эпоху реформ, начатых царем-освободителем. Так почему же не была прочитана нравственная и историческая метафора «Нови» с ее образами *новых людей*? Этот вопрос можно поставить иначе: кого Тургенев опознает в *новых людях*, опасается ли их, связывает ли надежды с появлением новых акторов русской истории? Каким видит осуществление русского исторического проекта и какой дает прогноз о его развитии?

В «Нови» Тургенев пишет историю русской интеллигенции, делая предметом анализа закат дворянской культуры и старой имперской бюрократии, показывая нарождающуюся активность новых социальных сил – разночинной интеллигенции и буржуазии. Социально-философская составляющая романа заключается в создании социальной типологии русской культуры, представленной взаимо-

⁵ По этому поводу в работе «Русские мыслители» И. Берлин замечает: «Сам факт, что Тургенев был художником до мозга костей и понимал универсальные аспекты сложности человеческого характера, не должен заслонять от нас то, что он полностью принял обязанность писателя говорить объективную правду – социальную не меньше, чем психологическую – публично, и не предавать ее» [Berlin, p. 148].

⁶ В этом контексте укажем на полемику между П. Ткачевым и П. Лавровым как представителями радикального и умеренного направлений русского революционно-народничества. См.: [Ткачев; Лавров, 1874].

действиями между различными группами, классами, индивидами, социально-культурный и интеллектуальный профиль которых создается посредством изображения идей – исповедуемых героями идеалов, ценностей и убеждений. В «Нови» Тургенев отражает логику социальных изменений русской культуры в пореформенной России, указывая на зарождающиеся в воображении героев представления о ее будущем. «Новь» обладает глубоким видением российской социальной и культурной истории. Последний роман Тургенева можно назвать мысленным экспериментом писателя-аналитика, проигранным как сценарий и обладающим свойством *прогноза-предсказания* развития русского исторического проекта.

По этому поводу стоит заметить, что прогноз-предсказание можно обнаружить не только в романах Тургенева, но и в его произведениях малой формы. Россию, которая чревата бунтом, гениальным чутьем художника и исторического визионера Тургенев предсказал еще в цикле охотничьих рассказов в 1857 г., описывая смутные настроения крестьян⁷. В 1876-м, завершив роман «Новь», писатель увидел Россию уже стоящей на пороге тревожной неизвестности. Если Достоевский, прозревая мистическую суть русского бунта, сбивался на пророческий пафос, Толстой во спасение русского народа выступал с антицерковной моралистической проповедью, то Тургенев наблюдал за русской действительностью. В отличие от своих великих современников, он избежал соблазна быть пророком или идеологом-проповедником. Как писатель и философ истории он обращал внимание на момент зарождения еще не артикулированных идей, социальных мечтаний и ожиданий, зреющих в толще русского социума, и его вариант прогностического сценария, данного в «Нови», оказался верным.

Примечательный факт, говорящий в пользу уникальной способности Тургенева давать обобщение, поднимающееся до предвидения, связан с историей публикации «Нови» в «Вестнике Европы». Когда роман вышел в свет, писателя, по его собственному признанию, сначала обвинили в отрыве от русской жизни, в ее непонимании, а затем в сговоре с революционерами, в участии в их «неблагоденных замыслах» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 394–395]. Удивление читателей «Нови» вызвало то, насколько Тургенев смог все так точно предви-

⁷ Обратим внимание на вывод, сделанный российским философом и историком А. А. Кара-Мурзой, по поводу одного из «охотничьих» рассказов писателя. Исследователь отмечает, что рассказ из цикла «поездок в Полесье» («День второй»), написанный в 1857 г., во время совместной поездки со Львом Толстым в Дижон, «наметил контуры принципиально нового подхода к описанию кризисных явлений в русской деревенской жизни» [Кара-Мурза, с. 18]. Рассказ стал первым за полвека до русской катастрофы изображением ««грядущего русского хама» – в лице некоего «вора Ефрема» – человека, с одной стороны, предельно десоциализированного, а с другой – потенциального лидера русской жизни, лишь поджидающего до поры «своего часа» [Там же, с. 25]. Тургенев испугался своего собственного прозрения и порывался несколько раз уничтожить рассказ, боясь «возвести поклеп» на «Святую Русь», но все же отправил его в Россию для печатания [Там же].

деть и предсказать⁸. Психологически становится понятным, почему немалая часть читающей публики была готова признать писателя заговорщиком – едва ли не «автором» революционного сценария. Тургенев, с явным разочарованием воспринявший критику романа, писал об этом не без горькой иронии.

Писатель, будучи противником революции, видел свою задачу совсем в другом – в изучении национальной жизни и направлении ее в русло культуры и социального развития. Наблюдая за жизнью русского социума, он старался в своем романно-философском исследовании России аналитически схватить новое явление в момент возникновения и откристаллизовать его в художественный образ. В «Нови» Тургенев сосредоточился на типе «романтиков реализма», считая его культурно значимым, специфически русским типом социально обеспокоенных идеалистов, сочетавших утопизм во взглядах с жадной реальной деятельностью. По Тургеневу, это были люди, которые «тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 399]. Поскольку они несчастные и исковерканные, не могущие найти себе применения в настоящем, то смысл их жизни, по Тургеневу, состоит в том, чтобы быть пророками и проповедниками новой России – России будущего. Как полагал автор «Нови», на смену «романтикам реализма» приходит тип делателей революции, которые все определеннее отказываются от моральной рефлексии и культурных идеалов, прежде вдохновлявших русских идеалистов и социальных мечтателей. «Процесс пятидесяти», связанный с революционным народничеством, как культурный и духовный феномен *новых людей* подтверждал факт появления русского типа социальных радикалов, своего рода мутации русских социальных идеалистов-романтиков. «Новь», тем самым, оказывалась ответом Тургенева на роман о *новых людях* Чернышевского.

Наблюдая за молодым поколением, находившимся под большим влиянием идей Чернышевского и уже жившим философией новых дел, приближавших, по его замыслу, радикальный переворот косной русской жизни, в «Нови» Тургенев диагностировал болезнь зарождения чреватой внутренним конфликтом России. Он предсказал явление «безымянной Руси» – той Руси, которая еще не обрела голос, не вышла на авансцену истории, но обязательно должна была себя проявить как-то странно и страшно. В преддверии этой новой эпохи «романтик реализма» Нежданов погиб, покончив с собой, а влюбленная в него революционерка Машурина растворилась в пространстве «безымянной

⁸ В конце зимы 1877 г. в столице широко освещалось «Дело 50 пропагандистов». Процесс слушался с 21 февраля по 14 марта (ст. ст.) 1877 г. На суде выступили рабочий П. А. Алексеев, С. И. Бардина, Г. Ф. Зданович. Судебное разбирательство по времени совпало с первой журнальной публикацией «Нови». Русское общество было впечатлено сходством героев и их воззрений, описанных в романе «Новь», с реальными участниками процесса. П. В. Анненков, пораженный художественной точностью и прозорливостью Тургенева, в письме к М. М. Стасюлевичу назвал его пророком [М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 3, с. 340].

Руси» под удивленно-горестное восклицание Паклина, повисающее нотой тревожного предчувствия в конце романа [Там же, с. 389].

«Безымянная Русь», увиденная Тургеневым, была предвестием революционного пожара, случившегося в стране. Немое большинство русского мира в лице крестьянства и рабочего класса вооружилось идеологией революционной борьбы, которую проповедовала интеллигенция. Деятели разночинной интеллигенции и революционного народничества, выведенные Тургеневым в романе «Новь» как больной симптом времени, пройдя через горнило политической борьбы, отказались от культурной сложности либеральных отцов, исключив духовную рефлексию, еще свойственную «романтикам реализма» типа Нежданова, из своего нравственного горизонта. Произошла культурно-психологическая и моральная деформация идеи свободы, ранее сформулированной эпохой Просвещения как культурный и политический императив европейского модерна.

Справедливо утверждать, что в «Нови» Тургенев выступает оппонентом Чернышевского. Радикалам и социальным утопистам последнего он противопоставляет образ постепеновца Соломина, вслед за Паклиным почти убеждая читателя в том, что сейчас нужны «Соломины, серые, простые, хитрые Соломины!» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 388]. Тургенев показывает Соломина как новый тип практического деятеля, умного, осторожного человека из народа, обладающего большим здравомыслием, владеющего новыми знаниями и способного к разумному управлению производством и совестливому отношению к людям. Тургеневский Соломин, сын дьячка, рекрутируемый из священнического сословия в «новых русских» предпринимателей, сочувствовал молодежи, ищущей лучшего будущего для своего народа. В революцию не верил, но присматривался к ее негласным лидерам Нежданову и Маркелову: «не желая навязывать свое мнение другим, не мешал им попытаться и посматривал на них – не издали, а сбоку» [Там же, с. 225].

Можно с уверенностью говорить, что именно эта двойственность позиции Соломина – осторожной отстраненности и сочувствующего любопытства, которые сам Тургенев демонстрировал в отношении к социальным движениям и умонастроениям, возникающим в русском обществе, – вызвала неприятие Достоевского и заслонила для него подлинный философско-исторический горизонт романа. С Соломиным – человеком дела, наделенным знанием и волей, Тургенев явно связывает какие-то надежды, свое видение пореформенной России, предоставляя новым силам искать собственные пути устройства жизни и недосказывая за них судьбу. Однако автор не питает социальных иллюзий. Свой скептицизм по поводу пореформенной России Тургенев вкладывает в слова Паклина – не резонера и не идеалиста, персонажа, лишённого всякого героизма и подвижничества, по своей моральной сути обывателя, имеющего некоторые собственные суждения, до известной степени наблюдателя и хрониста событий,

которые разворачиваются на страницах романного повествования. Человеку без особых заслуг, не мнящему себя философом и моральным авторитетом, Тургенев делегирует право говорить о настоящем и будущем России. Тем самым он словно намекает читателю: автор не может быть судьей истории, но он может дать свое видение и понимание процесса как включенный в него наблюдатель.

Этот социологический объективизм Тургенева, в котором нет надрывной экзатичности пророческого пафоса Достоевского, нет философского морализаторства и религиозного доктринерства Толстого, оказывается более информативным с точки зрения социально-исторического прогноза. «Серые Соломины», которые создают завод на просторах империи [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 384], это и есть возможный сценарий развития русского капитализма, по Тургеневу. Как можно понять писателя, в строительстве экономической основы пореформенной России он усматривает историческую перспективу. Поэтому для Тургенева в «деле Соломиных» есть некоторая надежда, но нет уверенности, что эти новые люди практического смысла смогут благоустроить Россию и решить все проблемы русского общества. Ведь этим пока еще не очень многочисленным постепенцам, рекрутируемым из третьего сословия, противостоят и новые революционеры, наследники «романтиков реализма» типа Нежданова и Машуриной, и радикализированные «новые люди» – революционные народники и демократы, воспринявшие как программу действий роман Чернышевского «Что делать?» Соломиним противостоят и морально обанкротившиеся русские аристократы типа Сипягина, «и славянофилы, и чиновники, и простые, и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки...» [Там же, с. 388]. Да и народ не выглядит бенефициаром реформ. Он «бедствует страшно, подати его разорили вконец, и только та и совершилась реформа, что все мужики картузы надели, а бабы бросили кички» [Там же, с. 386]. Застарелые русские социальные болезни – голод, пьянство, кулаки – страшны, по словам Паклина, не менее, чем «леность, вялость и недомыслие», отравляющие и парализующие моральный дух и волю к действию в русском обществе [Там же, с. 385].

Роман – прогноз: возможный сценарий русской истории

Главная беда, устойчиво проявляющая себя в ментальности русского народа, о которой прямо говорит Тургенев словами Паклина, это желание и ожидание внезапного исцеления «общественных ран». Это надежда на то, что *кто-нибудь* или *что-нибудь* явится, и все недуги будут вырваны с корнем, «как больной зуб» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 385]. В этой психологической установке Тургенев отражает не только идеологический настрой революционеров 1860–1870-х гг. Он дает прогноз куда более длительный и поразительно точный, рас-

крывая психологическую и метафизическую установку народа, которая была с максимальной исторической эффективностью конвертирована в русскую революцию начала XX в.: «Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! Только, батюшка, рви зуб!» – с горькой досадой восклицает Паклин [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 385].

Формула утопистов и радикалов, данная Тургеневым в выражении «только, батюшка, рви зуб» и вложенная в тираду Паклина, есть окончательное, бесповоротное и мгновенное решение колоссальной общественной проблемы. В русской истории она проявляет себя многолико. На почве жадности радикального переустройства мира получают свое развитие и безрелигиозность интеллигенции, и антигосударственный уклон левых либералов, и революционный анархизм, и прагматика политического террора русских марксистов-большевиков. Предсказанный Тургеневым «чародей» – *революционный лидер* – явился на фоне «заграничной» мировой войны. Он поднял на восстание деревню и «освободил» народ от царя, Бога и церкви. В тургеневском «Что угодно! Только, батюшка, рви зуб!» слышится революционный радикализм масс, возглавляемых новыми вождями с их inferнальной прагматикой бунта и хаоса – все, что угодно, только «Долой самодержавие!», долой власть и старый порядок!

Предъявивший русскому обществу образ новых людей, Тургенев был чрезвычайно озабочен отношением к роману молодежи. Публицист-народник С. Н. Кривенко, сотрудник «Отечественных записок», в беседе с Тургеневым сформулировал основную претензию молодых интеллектуалов к «Нови» в том, что все персонажи изображены «ниже обыкновенного умственного уровня» [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 420]. Тургенев парировал Кривенко, подчеркнув, что его задачей было «показать некоторую умственную узость людей, в сущности, вовсе не глупых» [Там же]. Как передает в своих воспоминаниях Кривенко, Тургенев дал ему впечатляющую характеристику понижения умственного и нравственного состояния *новых людей*:

Так ведь это и есть на самом деле: люди до того уходят в борьбу, в технику разных своих предприятий, что совершенно утрачивают широту кругозора, бросают даже читать, заниматься, умственные интересы уходят постепенно на задний план, и получается в конце концов нечто такое, что лишено духовной стороны и переходит в службу, в механизм, во что хотите, только не в живое дело. Где нет движения мысли, там нет и прогресса [Там же].

Тургенев остался верен своей философской, по существу, просветительской формуле понимания истории как прогресса, совершающегося прежде всего в умственном и духовном строе общества. Понятна его большая досада, что эту главную идею романа, написанного с мыслью о молодом поколении, не смогли прочитать и оценить: «По-

чему же никто не хочет посмотреть так на вопрос, что я потому указал на эту слабую сторону, что желал добра молодежи?» [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 420]. Тем самым, проявляя заботу о русской молодежи, идейно и нравственно Тургенев продолжал линию русского Просвещения. Писатель призывал молодых людей равняться на русских гениев-просветителей в надежде увидеть появление новых Пушкиных, Гоголей, Грановских и Белинских [Тургенев, 1978–2014, т. 12, с. 337]. В романе действительно не содержится тотального осуждения молодежи. Вот и был удивлен Тургенев, почему никто не заметил, что «“Новь” ведь у меня не закончена» [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 420].

Тургенев боялся срыва русской истории, отказа от культурной эволюционной работы и, словно бы желая предупредить русское общество, собирався продолжить «Новь», о чем сообщил в письме к К. Д. Кавелину от 17/29 декабря 1876 г. Главным героем нового романа должен был стать «будущий народный революционер» – рабочий Павел, эпизодически появляющийся в «Нови» [Тургенев, 1978–2014, т. 15, с. 262]. Поражает, что Тургенев точно предсказал, как в русской литературе, под пером уже другого писателя, появится «крупный тип» нового революционного деятеля. В письме к Кавелину он прозорливо заметил, что этот тип «станет – со временем (не под моим, конечно, пером – я для этого слишком стар – и слишком долго живу вне России) – центральной фигурой нового романа. Пока – я едва назначил его контуры» [Там же, с. 262]. «Будущий народный революционер» тридцатью годами позже появится как главный герой в романе Максима Горького «Мать» (1906). Глубоко символично, что образ Павла Михайловича Власова, потомственного рабочего, ставшего профессиональным революционером, помогающего своей матери Ниловне обрести достоинство, морально возродиться через участие в революционной борьбе сына, соединил в себе действительную энергию Соломина и аскезу героев романа Чернышевского «Что делать?»

Тургенев сожалел, что «Новь» с ее способом изображения процессов, происходящих в идеально-ценностной сфере национальной души и общественно-культурной жизни, главный вопрос романа, по выражению писателя, остался не замеченным и не понятым. Тургенев не только создал целостное полотно жизни русского общества в его исторической динамике, но и дал свой прогноз, точность которого подтвердила сама история. Писатель, признавая огромную трудность исторической и художественной задачи своего последнего романа, посчитал ее все же выполненной, радуясь, что хорошо изобразил Соломина – человека, которого, не приукрашивая его морально, мог действительно считать новым лицом русской истории [Там же, с. 262]. Тем значительнее для нас оценка выдающегося историка и философа К. Д. Кавелина, адресата переписки Тургенева, который назвал «Новь» *великим произведением* [Там же, с. 556].

Роман «Новь» стал художественным обобщением и анализом бытия новой России, зафиксировав историческую развилку на важнейшем этапе ее существования в виде альтернативных сценариев развития русского общества – революционного и эволюционного. К несчастью, опасениям Тургенева суждено было сбыться, как и трагическому сценарию «безымянной Руси», в который сорвалась Россия, не успевающая завершить свой модернизационный проект, основанный на культурных ценностях и идеалах русского Просвещения. В течение 20 лет с момента написания первого романа «Рудин» Тургенев наблюдал за молодежью, прослеживая судьбу нового поколения строителей России. Русской молодежи, ищущей применения своим интеллектуальным силам и социальной энергии, он посвятил роман «Новь». Стремясь к правдивости изображения характеров и обстоятельств, Тургенев изучал культурно-психологический феномен русских нигилистов, которые постепенно от теории переходили к действию, из носителей социального протеста становясь революционерами, осуществляющими не только программу «хождения в народ», но и политический императив противодействия власти, морально оправдывающий убийство и террор. Как глубокий художественно-философский опыт самопознания национальной жизни роман-прогноз «Новь» стоит в одном ряду с романом-предсказанием «Бесы» и в своих опасениях и исторических предчувствиях во многом совпадает с философским и моральным выводом Достоевского. Если смотреть на последний роман писателя в подобном ключе, то оказывается, что по силе предвидения предостережение Тургенева о *новых русских людях*, выбирающих революционный, а не эволюционный сценарий для России, не уступает пророчеству Достоевского, наиболее точно дополняя его с социологической и философско-исторической точки зрения.

Список литературы

- Буданова Н. Ф. Роман И. С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х гг. Л. : Наука, 1983. 174 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя : Избранные страницы. М. : Современник, 1989. 557 с.
- Жукова О. А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М. : Согласие, 2014. 536 с.
- Затеева Т. В., Ленхобоева Т. Р. Особенности рецепции романа И. С. Тургенева «Новь» в отечественном литературоведении второй половины XX в. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 10 (2). С. 80–86.
- Зеньковский В. В. Миросозерцание И. С. Тургенева // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М. : Республика, 2005. С. 287–300.
- И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. и подг. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянда. М. : Худ. лит., 1983. Т. 1. 527 с.
- Кара-Мурза А. А. «Ура! Городу Дижону», или Пять дней в Бургундии (о короткой поездке Ивана Тургенева и Льва Толстого весной 1857 года) // Филология. Научные исследования. 2017. № 1. С. 18–27. DOI 10.7256/2454-0749.2017.1.22119.

Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М. ; Л. : Academia, 1934. 374 с.

Куликов Б. П. Русские писатели и народофильское движение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение : реферат. журн. 1995. № 2. С. 121–136.

Лавров П. Л. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры «Задачи революционной пропаганды в России». Лондон : [Б. и.], 1874. 60 с.

Лавров П. Л. Статья о романе «Новь» // Лит. наследство. 1967. Т. 76. С. 197–207.

Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 15–16.

Лотман Ю. М. И. С. Тургенев // История русской литературы : в 4 т. Л. : Наука, 1980–1983. Т. 3. Расцвет реализма : История русской литературы. С. 120–159.

Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева / пер. с фр. Ю. Ган. М. ; Л. : Academia, 1931. 257 с.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. / под ред. М. К. Лемке. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1912. Т. 3. 789 с.

Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности Тургенева его современниками // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 165–166.

Романова Г. И. «Злободневный роман» и его интерпретация («Новь» И. С. Тургенева в народнической критике) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1991. № 1. С. 58–66.

Соловьев В. С. Литературная критика. М. : Современник, 1990. 422 с.

Ткачев П. Н. Задачи революционной пропаганды в России : Письмо к редактору журнала «Вперед». Лондон : [Б. и.], 1874. 43 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худ. лит., 1978–1985. Т. 17–18. Публицистические произведения, 1886–1908. Письма, 1842–1881. 910 с.

Тургенев И. С. Ответ «Иногороднему обывателю» // Молва. 1879. № 358. 29 дек. С. 3.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978–2014.

Финько Ю. С. Народничество в исторических взглядах классиков русской литературы (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) // Молодой ученый. 2016. № 25 (129). С. 215–218.

Berlin I. *Russian Thinkers*. 2nd Ed. / ed. by H. Hardy and A. Kelly. L. : Penguin Books, 2008. 412 p.

References

Berlin, I. (2008). *Russian Thinkers*. 2nd Ed. / ed. by H. Hardy and A. Kelly. L., Penguin Books. 412 p.

Budanovа, N. F. (1983). *Roman I. S. Turgeneva "Nov'" i revolyutsionnoe narodnichestvo 1870-kh gg.* [I. S. Turgenev's Novel *Virgin Soil* and Revolutionary Populism in the 1870s]. Leningrad, Nauka. 174 p.

Dostoevsky, F. M. (1989). *Dnevnik pisatelya. Izbrannye stranitsy* [A Writer's Diary. Selected Pages]. Moscow, Sovremennik. 557 p.

Fin'ko, Yu. S. (2016). *Narodnichestvo v istoricheskikh vzglyadakh klassikov russkoi literatury* (I. S. Turgeneva, L. N. Tolstogo i F. M. Dostoevskogo) [Narodnichestvo in the Historical Views of Classics of Russian Literature (I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, and F. M. Dostoevsky)]. In *Molodoi uchenyi*. No. 25 (129), pp. 215–218.

Kara-Murza, A. A. (2017). "Ura! Gorodu Dizhonu", ili Pyat' dnei v Burgundii (o korotkoi poezdke Ivana Turgeneva i L'va Tolstogo vesnoi 1857 goda) ["Hurray! To Dijon City", or Five Days in Burgundy (about a Short Trip of Ivan Turgenev and Leo Tolstoy in the Spring of 1857)]. In *Filologiya. Nauchnye issledovaniya*. No. 1, pp. 18–27. DOI 10.7256/2454-0749.2017.1.22119.

Kleman, M. K. (1934). *Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva* [A Chronicle of the Life and Work of I. S. Turgenev]. Moscow, Leningrad, Academia. 374 p.

Kulikov, B. P. (1995). Russkie pisateli i narodovol'cheskoe dvizhenie [Russian Writers and the Narodnaya Volya Movement]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Seriya 7. Literaturovedenie. Referativnyi zhurnal. No. 2, pp. 121–136.

Lavrov, P. L. (1874). *Russkoi sotsial'no-revolutsionnoi molodezhi. Po povodu broshyury "Zadachi revolyutsionnoi propagandy v Rossii"* [For the Russian Social-Revolutionary Youth. About the Brochure *The Tasks of Revolutionary Propaganda in Russia*]. L., S. n. 60 p.

Lavrov, P. L. (1967). Stat'ya o romane "Nov" [An Article on the Novel *Virgin Soil*]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 76, pp. 197–207.

Lemke, M. K. (Ed.). (1912). *M. M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske v 5 t.* [M. M. Stasyulevich and His Contemporaries in Their Correspondence. 5 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha. Vol. 3. 789 p.

Likhachev, D. S. (1991). Tri osnovy evropeiskoi kul'tury i russkii istoricheskii opyt [Three Foundations of European Culture and Russian Historical Experience]. In *Nashe nasledie*. No. 6 (24), pp. 15–16.

Lotman, Yu. M. (1982). I. S. Turgenev [I. S. Turgenev]. In *Istoriya russkoi literatury v 4 t.* Leningrad, Nauka. Vol. 3. Rastsvet realizma. Istoriya russkoi literatury, pp. 120–159.

Mazon, A. (1931). *Parizhskie rukopisi I. S. Turgeneva* [Paris Manuscripts of I. S. Turgenev] / transl. by Yu. Gan. Moscow, Leningrad, Academia. 257 p.

Nazarova, L. N. (1958). K voprosu ob otsenke literaturno-kriticheskoi deyatel'nosti Turgeneva ego sovremennikami [On the Question of the Evaluation of Turgenev's Literary and Critical Activity by His Contemporaries]. In *Voprosy izucheniya russkoi literatury XI–XX vekov*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 165–166.

Petrov, S. M., Fridlyand, V. G. (Eds.). (1983). *I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov v 2 t.* [I. S. Turgenev in His Contemporaries' Memoirs. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. 527 p.

Romanova, G. I. (1991). "Zlobodnevnyi roman" i ego interpretatsiya ("Nov" I. S. Turgeneva v narodnicheskoi kritike) [A "Political Novel" and Its Interpretation (*Virgin Soil* by I. S. Turgenev in Narodnik Criticism)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya. No. 1, pp. 58–66.

Solovyov, V. S. (1990). *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Moscow, Sovremennik. 422 p.

Tkachev, P. N. (1874). *Zadachi revolyutsionnoi propagandy v Rossii. Pis'mo k redaktoru zhurnala "Vpered"* [The Tasks of Revolutionary Propaganda in Russia. A Letter to the Editor of the *Vpered* Magazine]. L., S. n. 43 p.

Tolstoy, L. N. (1984). *Sobranie sochinenii v 22 t.* [Collected Works. 22 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 18. Pis'ma 1842–1881. 297–911 p.

Turgenev, I. S. (1879). Otvet "Inogorodnemu obyvatel'yu" [An Answer to a "Nonresident"]. In *Molva*. No. 358. December 29, p. 3.

Turgenev, I. S. (1978–2014). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* [Complete Works and Letters. 30 Vols.]. Moscow, Nauka.

Zateeva, T. V., Lenkhoboeva, T. R. (2014). Osobennosti retseptsii romana I. S. Turgeneva "Nov" v otechestvennom literaturovedenii vtoroi poloviny XX v. [Features of the Reception of Turgenev's Novel *Virgin Soil* in Russian Literary Studies of the Second Half of the 20th Century]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 10 (2), pp. 80–86.

Zen'kovskii, V. V. (2005). Mirosozertsanie I. S. Turgeneva [Turgenev's World Outlook]. In Zen'kovskii, V. V. *Russkie mysliteli i Evropa*. Moscow, Respublika, pp. 287–300.

Zhukova, O. A. (2014). *Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. Kul'turnyi kapital. Russkaya kul'tura i sotsial'nye praktiki sovremennoi Rossii* [Selected Works on the Philosophy of Culture. Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices of Contemporary Russia]. Moscow, Soglasie. 536 p.

The article was submitted on 06.08.2018